

В.Ф.ПОТАПОВ

МАРФА

ВАСИЛЬЕВНА.

ТАИНСТВЕННАЯ

ЮРОДИВАЯ.

КИЕВСКАЯ ВЕДЬМА

Женские лики – символы веков

Василий Потапов

**Марфа Васильевна. Таинственная
юродивая. Киевская ведьма**

«Public Domain»

до 1900 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Потапов В. Ф.

Марфа Васильевна. Таинственная юродивая. Киевская ведьма /
В. Ф. Потапов — «Public Domain», до 1900 г. — (Женские лики –
символы веков)

ISBN 978-5-486-03932-4

Василий Федорович Потапов (годы жизни не установлены) – русский беллетрист II-й половины XIX века; довольно плодовитый литератор (выпущено не менее ста изданий его книг), работавший во многих жанрах. Известен как драматург (пьесы «Наполеон в окрестностях Смоленска», «Чудеса в решетке»), сказочник («Мужичок с ноготок, борода с локоток», «Рассказы Фомы-старичка про Ивана Дурачка», «Алеша Попович», «Волшебная сказка о гусях-самогудах» и др.), поэт (многие из названных произведений написаны в стихах). Наибольшую популярность принесли Потапову его исторические произведения, такие как «Раскольники», «Еретик», «Черный бор, или таинственная хижина» и другие. В данном томе публикуются повести, рассказывающие о женщинах, сыгравших определенную роль в истории русского государства. В первой из них описана судьба Марфы Васильевны Собакиной, третьей жены Ивана Грозного, умершей при таинственных обстоятельствах всего через полмесяца после свадьбы. В повести «Таинственная юродивая» писатель излагает свою версию легенды об Агафье – тайном орудии Бориса Годунова, призванном уничтожить Самозванца. В повести «Киевская ведьма» речь идет о полоцкой княжне Рогнеде, униженной и насильно взятой в жены киевским князем Владимиром Красное Солнышко.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03932-4

© Потапов В. Ф., до 1900 г.

© Public Domain, до 1900 г.

Содержание

Марфа Васильевна	7
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	17
Глава VI	19
Глава VII	21
Глава VIII	23
Глава IX	26
Глава X	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В. Ф. Потапов
Марфа Васильевна. Таинственная
юродивая. Киевская ведьма

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Марфа Васильевна

Часть первая

Благословите, братцы, старину сказать.
Сахаров

Глава I

Ладога. – Сын наместника. – Тайна. – Признание. – Первая любовь.

Прелестное летнее солнце совершило бОльшую половину пути своего, и огненные его лучи, предвещая хорошее утро, догорали на разноцветных окнах теремов боярских. День клонился к вечеру. Благочестивые жители Ладоги тихо возвращались домой от вечерней молитвы; девушки, поджавши руки, чинно сидели на скамьях подле тесовых ворот, разговаривая между собою и улыбаясь изредка молодым парням, которые, проходя мимо, приветливо им кланялись. (Это было в последних числах июля 1571 года.) Улицы мало-помалу начинали пустеть, как к дому наместника подъехал всадник. Это был молодой человек, по-видимому, с небольшим двадцати двух лет: красивые черты лица изобличали благородство его происхождения; русые волосы, щеголевато подстриженные, вились природными локонами; небольшая борода, пробираясь по нижней части лица, едва захватывала подбородок; томные глаза горели необыкновенным огнем; на белом лице его играл румянец молодости, который противоречил желтым впалым физиономиям петиметров нашего времени. На нем было короткое зеленое полукафтанье из тонкого фряжского сукна, сверх которого накинутый небрежно *охабень*¹ рисовал стройный стан юноши, малиновая, опушенная соболем, шапка покрывала его голову. Это был Иоанн, сын ладожского наместника.

Соскочивши с коня, молодой человек подошел к воротам и несколько раз ударил железным кольцом о медную бляху; вскоре на дворе послышались шаги, и высокий, сухощавый мужик отворил калитку. Иоанн, отдавши лошадь привратнику, в темноте вбежал через высокое крыльцо в сени и потом, тихо отворив дверь, вошел в довольно просторную светлицу. Около стен светлицы тянулись широкие дубовые скамьи; в переднем углу в большом киоте сияли иконы, унизанные жемчугом и дорогими камнями; под киотом висела алая бархатная пелена, шитая золотом; пред иконами горело несколько серебряных лампад. За дубовым столом, покрытым дорогою скатертью, сидел старец в богатом парчовом полукафтанье; правая рука его подпирала украшенную сединами голову; глаза были устремлены на большую книгу в кожаном переплете, которая лежала перед ним на столе. То был почтенный и всеми уважаемый наместник Ладоги.

Когда Иоанн вошел в светлицу, старик слабым голосом произнес: «Господи! да не яростию Твоею обличиши мя, ни же гневом Твоим накажешь мя!...» Увидев сына, он оставил чтение. Иоанн, сбросивши охабень, набожно помолился иконам, почтительно поцеловал руку отца и безмолвно сел на скамью.

– Давно, Иоанн, давно я не видал тебя... – сказал наместник ласковым голосом, сквозь который явно просвечивала искра упрека.

¹ *Охабень* – верхняя одежда с длинными рукавами, которая обыкновенно надевалась нашими предками сверх полукафтання.

– Батюшка! – начал юноша дрожащим голосом. – Батюшка, я виноват пред тобою, очень виноват!

– Имей терпение, сын мой, выслушать меня! Мне давно хотелось поговорить с тобою о многом. – Старик остановился на несколько минут, как бы желая собраться с мыслями, и потом продолжал: – После смерти твоей матери ты один был мне утешением в горестном одиночестве; все мои надежды, все желания, все радости я полагал в одном тебе; я лелеял тебя, как нежный цветок, привезенный из восточных стран; хранил, как драгоценный перл, в сравнении с которым ничтожны все сокровища мира, и надежды мои оправдались: ты был добрым, послушным сыном; мою волю почитал ты священным для себя законом; ты радовался, когда я был весел, а в грустные минуты мешал свои слезы с моими слезами. Суди же, каково мне было лишиться такого сына!.. – Старик отер выкатившуюся слезу. – С некоторого времени обыкновенная веселость твоя пропала: все, что прежде тебе нравилось, что занимало, – все тебе наскучило; ты убегаешь от людей, убегаешь от меня... Неужели на душе твоей лежит ужасное преступление, которое ты страшишься открыть? Или ты уже не уверен более в любви моей? Разве сердце отца было когда-нибудь для тебя закрыто? Разве твои горести были иногда для него нечувствительны? разве он недостоин твоей доверенности?... О, Иоанн, Иоанн! Ты разлюбил меня!

– Батюшка! – сказал юноша, потупив глаза. – Батюшка! Я огорчил тебя! Чувствую, что недостоин любви твоей и своею недоверчивостью оскорбил священные права родителя; но успокойся, будь уверен, что я никогда не переставал любить тебя, а душа моя так же чиста, как пламенна любовь к тебе. Выслушай и потом будь судьей моим. Уже скоро год тому, как я в последний раз, по твоему приказанию, ездил в Новгород с грамотою к дяде и прожил там против обыкновения гораздо долее; этому были особенные причины: привыкнув всегда находиться вместе с тобою, я по приезде туда скучал, и если бы ласки доброго дяди не обязывали меня послушанием – я тотчас бы полетел назад, в Ладугу. Таким образом, живя в Новгороде против желания, я находил отраду только в том, что ежедневно ходил в Софийский храм, где мог думать о тебе и молиться за тебя, родитель мой! Однажды, по обыкновению моему, я отправился в собор; день был праздничный, и народ толпами стекался со всех сторон; мимо меня прошла какая-то незнакомка под покрывалом, сопровождаемая старухою. Хотя я не видал ее лица, но какой-то невольный трепет пробежал по всему моему телу, какой-то тайный голос шептал мне: вот она, вот та, которая должна быть спутницею твоей жизни; люби ее... и я уже любил... Незнакомка остановилась перед иконою Спасителя, начала молиться и в это время откинула покрывало. Родитель мой! Не требуй от меня объяснения тех чувств, которые волновали мою душу. Незнакомка была невыразима: небесные глаза, обращенные на образ Спасителя, щеки, которые горели необыкновенным румянцем, движение розовых губ, которые произносили молитвы, слезы, которые, подобно перлам, сверкали на ее ланитах, все, все окружало ее каким-то величием; я не сводил глаз с нее и не скрою от тебя, родитель мой, что впервые в жизнь мою не слышал божественного пения и забывал молиться. Обедня кончилась, и красавица, которая в продолжение божественной службы не обращала ни на кого внимания, выходила вон из церкви, сопровождаемая старухою. В это время глаза наши встретились, и, может быть, этот взор высказал бы многое; но тут старуха шепнула незнакомке что-то на ухо, щеки ее зарделись румянцем, покрывало упало, и они удалились. Боясь оскорбить ее, я не смел следовать за нею, но я видел, что черные пламенные глаза ее сквозь воздушный покров устремлялись часто на меня... В первый воскресный день, лишь только Софийский колокол возвестил утреннюю молитву, я был уже в храме; незнакомой красавицы там не было. Не сводя глаз с дверей, под каждым покрывалом я думал увидеть ее, но тщетно: обедня кончилась, а ее не было. Грустный, с растерзанною душою, я удалился из храма. В продолжение нескольких дней напрасно искал я предмета любви моей, и день ото дня тоска более и более овладевала моим сердцем. Однажды, возвращаясь домой после обыкновенной своей прогулки,

я был выведен из задумчивости смешанным говором нескольких голосов; я подошел к плетню сада, мимо которого проходил: несколько девушек играли под развесистыми ветвями серебристого тополя; хороводные песни их прерывались веселым хохотом; но не то занимало меня: между ними я увидел ее, ее, мою прелестную незнакомку; она задумчиво сидела на дерновой скамье и не принимала участия в играх подруг своих; я глядел на нее, я любовался ею, я дышал одним с нею воздухом... чего же еще не доставало для моего счастья?... Тут одна из девушек увидела меня, со страхом показала в ту сторону; все взглянули, вскрикнули и в одно мгновение разбежались. Но задумчивая красавица осталась неподвижна; она устремила на меня прелестные глаза свои, радость и вместе испуг выразились на лице ее. В одно мгновение я был в саду; незнакомка хотела встать, но я остановил ее.

– Не уходи так скоро, не убегай от меня! – сказал я ей. – Прежде послушай и после будь судьбой моей; но знай, что одно твое слово или сделает меня счастливейшим человеком в свете, или безнадежным сиротою!.. Так, красавица! Один взор твой решил мою участь: я люблю тебя, люблю более моей жизни! Скажи, захочешь ли принадлежать мне?... Ты молчишь, ты плачешь. Прости! Я оскорбил тебя, я сделал дурно, необдуманно – прости!

Я хотел идти, но она остановила меня; рука моя невольно обвилась около ее стана, красавица склонила свою голову на грудь ко мне, роковое «да!» вырвалось, и я с розовых губ ее сорвал пламенный поцелуй первой любви.

– Наталья Степановна, Наталья Степановна! – раздался в саду голос; девушка стыдливо опустила глаза.

– Это матушка зовет меня, – сказала она, – прощай!

– Неужели эта разлука будет вечна? Неужели мы никогда более не увидимся? – сказал я. – Неужели ты меня забудешь?

– Нет, нет, никогда! – прошептала она.

– Наталья Степановна! – раздался опять голос близ нас, и я поспешил удалиться из сада.

На другой день в такое же время я был уже у плетня и нашел незнакомку одну на дерновой скамье. После взаимных вопросов и обещаний я узнал, что Наталья круглая сирота, воспитанная Василием Степановичем Собакиным, богатым купцом новгородским. Клятва в верности заключила наше свидание, мы расстались. Вскоре я уехал из Новгорода и уже скоро год, как не слыхал ничего о Наталье; а кто знает, что могло случиться в это время?... Вот, родитель мой, причина моей задумчивости. Вот о чем грущу я и что скрывал в глубине души своей, боясь твоих упреков.

– Иоанн, ты худо знаешь сердце отца, когда не уверен в любви его! – сказал наместник, ласково взглянув на юношу. – Неужели ты думал, что ничтожное честолюбие или звон золота для меня дороже благополучия сына? Вот тебе рука моя – Наталья будет твоею женою, если она еще свободна. По крайней мере скажи: знает ли дядя о любви твоей?

– Нет, батюшка, я скрывал ее до сих пор от всех, как драгоценное сокровище; я боялся открыть людям сокровенные чувства сердца: они не оценили бы их, они не умели бы оценить!

– Страсть ослепила тебя, сын мой! Но не должно быть столь несправедливым. Ты знаешь, дядя твой уже десять лет тысяцким в Новгороде, всеми любим и тебя любит без ума. Поживи недельку со мной и потом, с Богом, поезжай в Новгород; я дам тебе грамоту, и поверь, что дядя устроит твоё счастье. Я уже стар, стою одною ногой в могиле и не мне пировать на твоей свадьбе: по крайней мере буду молить Всевышнего, да не лишит Он меня последней радости – увидеть тебя еще раз, умереть на руках твоих, и молодая жена твоя закроет мне глаза!..

Глава II

Сиротка Наталья. – Марфа Васильевна Собакина. – Разговор Натальи с мамой. – Еще признание. – Незнакомец. – Суеверие. – Нечистый.

Почитаю за нужное перенести вас мысленно, мои читатели, в Великий Новгород, чтобы познакомиться несколько с героинею моего романа. Наталья, известная в доме купца Собакина под именем *сиротки*, была дочь псковского купца; лишившись родителей еще в младенчестве, она была призрена крестным отцом своим и воспитывалась вместе с дочерью своего благодетеля, Марфою Васильевною, бывшею впоследствии супругою царя Иоанна Васильевича Грозного. Марфа также лишилась матери в детстве, и потому две сиротки, порученные попечениям мамок, были связаны неразрывными узами дружбы.

Послушаем разговор, который происходил в девичьем тереме между старухою-мамкою и Натальею:

– Да полно же кручиниться, мое красное солнышко, моя белая лебедушка! Погляди, уж ты сама на себя не походишь: пропал румянец с белого личика, потускнели твои очи ясные; все плачешь да грустишь... а по чем? Бог весть! Уж подлинно Господне наказание, худой человек сглазил; да стой, ужо, как будешь ложиться почивать, я *спрысну тебя святой Богоявленской водицей*², и все пройдет! – так говорила Пахомовна, старая мамка, своей питомице, которая сидела у разноцветного узорчатого окна светлицы и задумчиво смотрела вдаль. Девушка не отвечала ничего на вопрос старухи, которая продолжала скороговоркою: – Охо, хо, хо! Глаз злого человека хуже болезни *лихоманки*³, чтобы ему лопнуть, проклятому, чтобы тому, кто тебя сглазил, мое нещечко, ни дна ни крыши, чтобы... Да я и сама не дура! Завтра же схожу к куму Авдеичу и поклонюсь ему; он не последний ворожейка – знает всю подноготную, даст мне *наговоренной водицы*⁴, и ты, моя пташечка, опять запоешь, будешь весела...

– Нет, мамушка! – прервала ее Наталья. – Я, знать, никогда не буду счастлива, разве в могиле! – И слезы повисли на длинных черных ее ресницах.

– Что ты, что ты, мать моя, Господь с тобою! Ты думаешь о могиле тогда, как тебе должно бы веселиться с подружками, петь, прыгать, плясать. Э-эх-хе-хе! Не то было в наше время: бывало, я, как была молода, золото ли хоронить, песню ли спеть, венок ли заплести – все первая: уж какая я была затейница! Бывало запою: «Земляничка-ягодка, на полянке выросла»... да пойду плясать, так только всем на диво. Ну, полно же, моя красавица, развеселись! Да и об чем тебе печалиться? Ведь ты у нас не чужая в доме. Василий Степанович жалует тебя как родную дочь свою; боярышня Марфа Васильевна любит словно сестрицу; жемчугу, золота, серебра, самоцветных каменьев, сластей ли каких – сколько твоей душеньке угодно. Другая на твоём месте и ох-то не молвила бы. Да взгляни же на меня, моя родимая, повеселее!

– Ах, мама, я рада бы веселиться, но не могу – мне грустно!

– Да об ком же ты грустишь, моя милая?

– *Об нем*, мама! – сказала Наталья, опутив стыдливо глаза, и румянец заиграл на бледных щеках ее.

– *Об нем!* – вскричала Пахомовна, и удивление, смешанное со страхом, выразилось на лице ее. – *Об нем?* – повторила она. – Да кто же это *он-то*? Уж не оборотень ли какой? Прости господи мое согрешенье! – Старуха набожно перекрестилась. – Кто же он-то? Скажи поскорее, моя лебедушка, не мучь меня!

– Так и быть, мамушка! Ты меня воспитала, ты любишь меня как дочь свою, и я от тебя ничего не скрою...

– Да кого же мне и любить, моя красавица, как не тебя? Ты у меня, моя разумница, как свет в окошке, ты моя радость, мое утешение! Говори, говори поскорее...

² Обыкновение спрыскивать Богоявленскою водою, которая богомольными людьми получается в день Богоявления в храме и хранится вместе с Богоявленскою свечою в продолжение всего года, исполняется и по сие время, употребляясь преимущественно от так называемого *сглаза*. Едва ли кто будет говорить против сего благочестивого обыкновения.

³ *Лихоманкою* называли простуду и вообще болезни, от нее происходящие.

⁴ Что религиозные обряды у нас на Руси, в низшем классе народа, очень часто мешаются с суеверием, также всякому известно и к несчастью справедливо.

– Прежде побожись, что ты не откроешь никому этой тайны!

– Ну, клянусь, клянусь всем: пусть отсохнет язык мой, пусть пришибет меня черная немочь, пусть...

– Довольно, мама, садись и слушай: несколько месяцев тому назад Марфа Васильевна пошла с крестным батюшкой в гости, а я пошла с подружками в сад. Солнышко спускалось за плетень, и красивая малиновка, перепархивая с дерева на дерево, с кусточка на кусточек, своими приятными песнями прощалась с веселым днем. Мне было грустно; подружки играли, пели веселые песни, хохотали, бегали; я не играла с ними, а села на дерновую скамью и задумалась, об чем – и сама не знаю. Не помню, долго ли это продолжалось, только девушки вскрикнули и разбежались; я не могла понять причины их страха и сидела. Вдруг... – Наталья остановилась, как бы желая вспомнить все с нею случившееся; старуха читала: «Да воскреснет Бог!» – Вдруг, – начала опять девушка, – я увидела пред собою молодого человека, того самого, которого видела и ты в церкви; красивое лицо его было, как лицо девушки; он глядел на меня так нежно, так нежно...

– И ты также на него глядела, Наталья Степановна? – спросила со страхом Пахомовна.

– Да! И я на него глядела.

– С нами Бог! – прошептала старуха и опять перекрестилась. – Ну, что же далее? – спросила она.

– Я хотела уйти, но молодой незнакомец остановил меня, и какие сладкие речи говорил он мне...

– А что бы такое он говорил тебе?

– Он сказал мне, что любит меня, что умрет в разлуке со мною, что во всем мире нет меня краше, что я его солнце... Ах! Если бы ты знала, с каким жаром потом он взял мою руку, как крепко прижал меня к своему сердцу, как пламенно поцеловал меня!

– Что, что, моя матушка? Так он уж брал твою руку, так уж он обнимал тебя, целовал? Ахти, мои батюшки, пропала моя головушка! Вот до каких времен мы дожили: красные девицы изволят тайком целоваться с молодыми парнями! Нет, видно пришли последние дни, скоро, скоро света преставление! Ну, скажет же мне спасибо твой крестный батюшка, когда узнает все это! Да и за дело мне: за тобою надобно смотреть в оба глаза. Сегодня же пойду и расскажу все Василью Степанычу, брошусь ему в ноги, авось умилюствится и простит меня...

– А твоя клятва, мама? Разве ты не обещалась мне, что никому не откроешь того, что я скажу тебе?.. Я тебе одной поведала мою тайну.

– И впрямь так! Ахти! Связала ты мою головушку! Скажи же мне – ты не видала его более?

– Видала один только раз еще: он простился со мною, сказавши, что едет в Ладогу к отцу своему, будет просить его благословения; что он непременно воротится и станет на мне свататься у батюшки. Ты помнишь, мама, как я гадала в Васильев вечер о суженом и, выбежавши за ворота, спрашивала у первого прохожего его имя⁵? Мне отвечали *Иван*! А незнакомца зовут Иоанном. Не правда ли, это мой суженый?.. Но вот уже давно об нем нет слуху. Быть может, он забыл меня, а я, я его люблю и как свеча таю от печали и неизвестности! – Глаза Натальи наполнились слезами; она закрыла передником лицо свое и зарыдала.

– Ну, не правду ли я тебе говорила, что это был либо оборотень, либо – наше место свято! – нечистый дух, который принимает на себя все виды: то прикинется красной девицей, то молодым парнем, то кошкой или собакой! Избави Бог, моя милая, тебя от такого несчастья!

– Нет, няня, этот незнакомец был человек; он говорил так нежно, клялся мне, поминал имя Господа, которое недоступно для сынов тьмы!..

⁵ Обыкновение, забытое в высшем кругу столицы, но до сих пор еще соблюдаемое в провинциях красавицами – особенно в *Васильев вечер*.

– Правда, правда! Но все-таки я боюсь; дело другое, если он приедет да будет на тебе свататься, а то вздумал лазить через забор, – ну, по-человечески ли это? Вот опомнясь ключник наш Афанасийч рассказывал мне такие чудеса, что волосы становятся дыбом; Афанасийч слышал это от своей бабушки, которой рассказывал его дедушка, а дедушка за-верное слышал это от своей кумы, которая, говорят, была большая грамотница. Коли хочешь, так я расскажу тебе; да погоди, прежде схожу и позову сюда сенных девушек – они также послушают моего рассказа, а после позабавят тебя песенкой, так авось ты будешь повеселее. – Пахомовна вышла и чрез несколько минут опять возвратилась в светлицу: за нею шли девушки с пальцами; поклонившись Наталье, они не заняли по обыкновению мест своих, а почтительно остановились, как будто кого-то ожидая. Между тем Пахомовна, обращаясь к Наталье, проговорила: – Ну вот, мое нещечко, у нас теперь будет полная беседа: Марфа Васильевна воротилась домой и сама пожалует: то ли, кажись, она сказок-то и не любит слушать, а как услышала, что ты все грустишь, так бросила вышиванье и изволит идти к тебе... то-то добрая боярышня... В это время дверь отворилась, и Марфа Васильевна вошла в светлицу. Это была статная девица, во всем блеске красоты и молодости; черные глаза ее были полны огня и жизни, но прелестная улыбка носила на себе печать какой-то задумчивости, подобно тому, как ясное солнышко скрывается иногда за утренним туманом. Поклонившись девушкам и усадивши их, она подошла к Наталье и, ласково поцеловавши, сказала: «Вечно в слезах! Да скажи, ради бога, что все это значит?... Ты и меня скоро заставишь плакать, глядя на себя... Как хочешь, Наташа, а я должна узнать причину твоей горести! Не правда ли, ты не скроешь от меня ничего, моя родная, ты любишь меня как сестру свою?»

Наташа пожала руку Марфы и, чтобы скрыть свое волнение, обратилась к Пахомовне с просьбою об обещанной сказке. Старуха несколько раз кашлянула и начала...

Глава III

Змей Горыныч. – Страшное предание. – Песня. – Юродивый. – Его таинственные предсказания.

«На берегу широкой Волги стоял древний терем; большая стена и широкий ров окружали его. Это было давно, очень давно – тогда царствовал великий князь Василий Васильевич, по прозванию *Темный*, прадед нашего государя. Много было слухов о том тереме: одни говорили, что в нем живет *нечистый дух*; другие уверяли, что видели *ягу-бабу*, которая из него выехала в ступе; третьи – *киевскую ведьму*, которая вылетала в трубу. Долго он был необитаем: никто и днем не смел подойти к нему, а кого застигала темная ночь и кому приходилось идти мимо этого терема, тот творил молитву и боялся взглянуть на *заклятое место* – так все называли его. Вдруг переехал туда какой-то боярин; говорят, что он был очень богат: все кладовые наполнил сундуками с золотом, серебром и дорогими соболями; он все знал о тереме, но ничему не верил: жил себе припеваючи; глядел и не мог наглядеться своею дочкою. Анастасия (так звали девушку) цвела, как маков цвет, была красива, как солнце красное, и стройна, как подсолнечник. Боярин часто давал праздники, и к нему съезжалось много гостей и молодых детей боярских; с ними вместе боярин охотился за медведями. Один из них увидел Анастасию и полюбил ее, а девушка и сама была без души от него. Боярину это было не в противность. Что же медлить? – ему не пиво варить, не вино курить – веселым пирком, да и за свадебку. Начались приготовления, холопов с ног сбили – день свадьбы приближался, но в то время, как обручали жениха с невестой – черный ворон сел на кровлю терема, и зловещий крик его раздался в воздухе; в это же время собака на дворе жалобно завывала... все вздрогнули, а старики говорили, что быть худу! Так и случилось...»

Рассказ Пахомовны возбудил удивление в девушках, женское любопытство разыгралось: они оставили работу, боясь проронить каждое слово, и даже Марфа Васильевна и Наташа,

мало обращавшие внимания на сказку, перестали смотреть в окно; старуха, видя успех своей повести, с самодовольствием окинула глазами все собрание и с важностью оратора продолжала: «Накануне свадьбы жених пропал без вести и никто не знал, куда он скрылся; бедная девушка чуть не умерла от горести: она сохла, как травка в поле от зноя солнечного, как с ветки сорванный цветочек, – плакала от утра до ночи; вдруг опять переменялась: сделалась весела, прыгала, пела... Никто не постигал тому причины, и даже сам отец с-диву дался. А в народе слух носился, что жених ее был нечистый дух, обитатель терема, который хотел наказать боярина; многие говорили, что он летал к своей невесте в виде *огненного змея*⁶ и являлся ей в прежнем своем виде. Вот отчего была весела Анастасия, и ей никогда не приходило на ум перекрестить своего мнимого суженого. Пословица говорит: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... так и тут – время шло; настала зима, а Анастасия виделась каждый день с женихом своим и была по-прежнему весела. Боярин ничего этого не знал. В один день пошел он утром в светлицу любимой дочери, но Анастасии там не было; начали искать, перерыли все мышиные норки, но все понапрасну – девушка сгинула, да пропала! Отец поплакал, уехал неведомо куда, и терем опять остался необитаем.

Пришла весна: вскрылись реки, и рыболовы начали свой промысел. Однажды, ловя рыбу, они вытащили безобразное мертвое тело, и как вы думаете, красные девицы, кто это был такой?»

– Боярин! – вскричали девушки в один голос.

– Нет, это была сама Анастасия.

– Ну а куда же жених-то девался, бабушка? – спросили некоторые из них.

– С тех пор об нем ни слуху ни духу; но все говорят, что это был нечистый...

Вдруг в светлице раздался стук; все слушательницы вскрикнули и, прижавшись одна к другой, затрепетали от страха; это упали пяльцы, которые опрокинула одна из девушек, заслушавшись рассказа.

– Что же, хороша ли моя быль, красные девицы? – спросила Пахомовна.

– Хороша-то, бабушка, хороша, да страшна больно!

– А ты, моя пташечка, опять призадумалась! – продолжала старуха, обращаясь к Наташе. – Ну-ка, красные девицы, начните хорошенькую песенку... да начинайте же скорее...

Одна из девушек. Затягивай хоть ты, Аннушка!

Аннушка. Нет, пусть начинает Маша, а я пристану.

Маша. Начинай ты, Дуня, а я...

– Да долго ли вам перекоряться? Начинайте! – закричала на них грозно Пахомовна, и девушки запели:

Сидит девица, сидит красная,
У окна сидит в своем тереме.
Плачет девица, плачет красная,
По своему дружке, по молодчику:
«Нет, не едет он, мил-сердечный друг, –
Говорит себе красна девица. –
Позабыл меня добрый молодец,
Позабыл свою клятву в верности...»

Наталья сидела, подперши голову рукою, и слезы ручьями текли из глаз ее.

⁶ Простолюдины и по сие время наши *северные метеоры* объясняют не иначе как полетом огненных змеев. Всякому, я думаю, известны эти рассказы, но не всякий знает настоящую причину сих видений. Долго еще, кажется, надобно ожидать, пока низший класс наш совершенно сбросит с себя иго суеверия и нелепых сказок.

– Перестаньте петь эту погребальную песню! – возразила Марфа. – Глядите, Наташа опять плачет!

– Нет, голубка! Эта песня мне нравится. Пойте, подруженьки, пойте! – заметила Наталья. Девушки начали:

Но вот по полю, по широкому
Едет молодец, сам боярский сын.
Конь под всадником словно лютый зверь,
Сбруя бранная горит золотом;
Сердце вещее шепчет девице,
Что то миленький, давно жданный друг;
Подскакал всадник прямо к терему,
На крыльцо бежит, на высокое,
Дверь тесовая отворяется...

В это время дверь в самом деле отворилась, и человек среднего роста, пожилых уже лет, скоро вбежал в светлицу; серый изорванный кафтан его, подпоясанный веревкою, едва закрывал тело; босые ноги загрубели от ходьбы; в руках он держал толстую ореховую палку; черные с проседью волосы, разбросанные в беспорядке, и редкая небольшая бородка довершали странность его одеяния; но морщиноватое чело и огненные глаза выражали спокойствие совести и надежду на благость Творца; на шее у него висело медное Распятие – это был юродивый.

– Здравствуйте, красные, здравствуйте! Знаете ли, что я молвлю вам – царский венец тяжел, нерадостен! И тебя, Наташа, жаль, да делать нечего, – полно плакать, молись, авось Господь умилюстивится. – Юродивый сказал это вдохновенным голосом, со слезами на глазах, и потом, приняв веселый, обыкновенный вид свой, прибавил: – Молись, Пахомовна, молись и ты; Господь долготерпелив и многомилостив, не до конца прогневается!

– Здоров ли ты, Яша? – спросила Наталья ласково.

– Здоров, Наташенька, здоров! Да и что мне делается; я от царя далеко, ухо мне не отрежет, в опалу у меня взять нечего, и живу себе без горя, без печали. Бедненький ох, а за бедненьким Бог! А вот ты, боярышня, всего у тебя много – и золота, и серебра, а все плачешь да грустишь, и чрез золото слезы льются!

– Да, Яша, вот запала ей на сердце кручина, – сказала со вздохом Пахомовна, а что попритчилось – бог весть....

– Жаль мне ее, бедняжку; ну! да и царский-то венец тяжел, ох тяжел! Хороши почести при веселье, при радости, а при горе, при печали – не дай господи! Правда ли, Марфуша?..

– Да какой же венец, Яша? – спросила опять с любопытством старуха. – Ты так загадочно говоришь, что я тебя и не разумею.

– Не твое дело, Пахомовна, молись! Авось Господь умилюстивится; а ты, Марфа Васильевна, собирайся в путь далекий. Наташа тебя будет провожать. Всякому свое на роду написано: чему быть, того не миновать.

Здесь Наталья встала и, подошедши к юродивому, взяла его руку:

– Скажи мне, Яша, ради бога скажи: увижу ли я его?

– Кого, Ивана? Увидишь, Наташа, увидишь...

Лицо Натальи запылало: как мог Яша, думала она, проникнуть в тайну моего сердца? Я никому ее не открывала, кроме мамы, видно, что он Божий человек; между тем это предсказание чрезвычайно ее обрадовало. Юродивый пристально глядел на девушек и наконец сказал, обращаясь к Марфе Васильевне:

– Не радуйся, Марфа, не радуйся и ты: после ведра всегда бывает дождь, а после радости слезы... Слушай, я скажу тебе побасенку: цветочек рос в поле; никто за цветочком не ухаживал,

вал, никто не думал о цветочке, да он цвел во всей красоте своей; вот и пошел царь гулять по полю, увидел цветок и полюбил его; велел пересадить в свой сад: начали за цветочком ухаживать, каждый день поливали его, да цветок стал уже не тот – он начал вянуть, блекнуть, да и засох совсем! Молись, молись, Марфуша, царский венец тяжел, нерадостен, молись, Марфуша, молись!

И юродивый выбежал из светлицы. Марфа и Наталья стояли неподвижно, стараясь разгадать таинственные слова его; Пахомовна в недоумении покачивала головою; девушки перешептывались....

Глава IV

Всадник. – Разбойник. – Сорвиголова. – Сражение. – Атаман Гроза.

День вечерел. Последние лучи заходящего солнца живописно отражались в лазурных струях величественного Волхова, который тихо катился в берегах своих, и прохладный ветерок лобзал зеркальную его поверхность. Спокойствие природы было величественно, но мрачно: соловей не пел прощальных песен, пастух не гнал стад своих, и скучное безмолвие лишь изредка прерывалось печальными криками иволги. Берегом реки, по опушке леса, пробирался всадник на вороном коне; ни величественная дикость засыпающей природы, ни лазурно-золотистая поверхность Волхова, ни мрачность синеющего леса не производили на его душу никакого впечатления: это был Иоанн. Погруженный в мечтания, он даже не заметил, когда конь его, сбившись с дороги, свернул в лес по тропинке, которая пролежала между вековыми деревьями. Долго ехал он в задумчивости; лишь изредка вздох или едва внятный стон колыхали грудь его; вдруг пронзительный свист прорезал воздух и вывел юношу из задумчивости; он привстал на стременах и с беспокойством глядел во все стороны. Солнце уже закатилось, и луна в серебряной порфире плавала по голубому небосклону; столетние дубы, как привидения, возвышались кругом и шумели от ветра; несколько впереди чернелась широкая пропасть рва, на дне которого журчал быстрый ручеек; две вырванные с корнем сосны и несколько жердочек, набросанных кое-как, служили вместо моста. Конечно, мрачное местоположение, тишина ночи и журчанье ручейка, словно последний говор засыпающей природы, могли бы завлечь каждого поэта в мир мечтательный, вдохновенный, но Иоанну было не до того: «Конь мой сбился с дороги, – думал он, – и я один, ночью, в неизвестном лесу...» Эта мысль заставляла его содрогнуться. Вскоре раздался еще свист; в то же время шесть человек, в смурых кафтанах, оборванные, со зверскими лицами, показались из-за кустов и остановились в недоумении, увидев бесстрашный взор юноши, который вынул саблю и с самоотвержением приготовился к обороне. Несколько минут продолжалось молчание.

– Ну, что ты остановился, *Сорвиголова*, – закричал один из разбойников своему товарищу, – аль струсил этого смазливового личика? Бывало ты самого черта не боялся, а теперь стоишь разиня рот; уж не влюбился ли?

Разбойник, к которому относились эти слова, отделился от прочих – рыжие всклокоченные волосы, глаза, налитые кровью, и сатанинская улыбка его были ужасны. Подошедши к Иоанну, он взял под уздцы его лошадь, сабля сверкнула в руке юноши, и разбойник, заставши, отскочил с окровавленной рукой. Прочие со страхом отступили. В это время еще зверское лицо показалось из-за куста, и дуло пищали устремлено было на грудь Иоанна, который, невольно затрепетав, сделал усилие, чтобы прорваться сквозь толпу злодеев, но порох вспыхнул, раздался выстрел, лошадь захрапела и понесла. Подбежавши к берегу рва, она остановилась; но все усилия Иоанна, чтобы удержать ее, были ничтожны – она прыгнула и ринулась в пучину, увлекая с собою седока. Оглушенный ударом, Иоанн лишился чувств; чрез несколько времени, открывши глаза, едва мог припомнить прошедшее – все обстоятельства смешались в расстроенном его воображении. Окинув мутным взором окружавшие его предметы, он с

удивлением увидел себя лежащим на охабне; неподалеку с треском пылал огонь от зажженных сухих ветвей; подле него, на широком дубовом пне, сидел человек высокого роста, в вооружении и пристально глядел ему в лицо.

– Слава богу, ты жив еще, сын моего благодетеля, – сказал незнакомец, когда Иоанн пришел в себя. – Кто ты? – произнес молодой человек, приподнимаясь с земли.

– Прежде подкрепи себя, – возразил незнакомец, подавая ему флягу с романеей⁷, – прежде подкрепи себя и отдохни; ты, я думаю, болен после того удара, который получил.

– У меня немного дурна голова, – сказал Иоанн, проглотив несколько капель напитка, – но я не нуждаюсь в отдохновении. Скажи мне лучше, где я, кто ты и почему принимаешь во мне такое участие?

– Вглядишься пристальнее в черты мои, Иоанн, и ты меня узнаешь.

Иоанн, осмотревши с головы до ног незнакомца, сделал отрицательный знак.

– Итак, ты не узнаешь меня, меня, с которым ты делил все радости своего детства. И немудрено: после того времени, как мы расстались с тобою, много утекло воды, много случилось перемен, и теперь вместо маленького Владимира, с которым так беззаботно играл, ты видишь пред собою разбойника, которого имя наводит ужас на мирных жителей, а голова преступника и врага родины оценена золотом!

– Владимир! Это ты? – вскричал Иоанн, обнимая незнакомца. – Боже! Благодарю Тебя! Ты услышал мои молитвы, и я опять обнимаю друга моего детства.

Слезы ручьями текли из глаз незнакомца.

– Как? Я еще не всеми отвергнут! – говорил он. – Еще есть грудь, на которую я могу преклонить преступную главу свою! Еще есть сердце, которому могу поверить свои тайны! Иоанн! И ты не стыдишься сжимать в объятиях своих разбойника?

– Нет, нет, никогда! Владимир не рожден преступником!

– Твоя правда, Иоанн. Это случилось неожиданно, против моей воли: ты знаешь, я не помню ни отца ни матери, не имею ни рода ни племени; добрые люди дали мне убежище, вскормили и воспитали меня. Ты знаешь также, что благодетель мой, ведя торговлю с иностранными купцами и отъезжая в Литву, поручил меня попечениям твоего родителя. Воспитываясь вместе с тобою, я не понимал своего одиночества... О! Дни, которые я провел под кровом твоего отца, никогда не изгладятся из моей памяти, а благодарность... Ее я унесу в могилу. Наконец воспитатель мой возвратился в Ладогу, и вскоре я должен был следовать за ним в Новгород; ты помнишь, как тягостна была наша разлука, сколько слез мы пролили, расставаясь; но надобно было покориться необходимости. Благодетель мой любил меня нежно, воспитывал, как сына, в страхе Божием, часто заставлял меня читать Библию и толковал священные слова. Вместе со мною воспитывал он другую сироту: Мария (имя девушки) была дочь одного московского дворянина, который, избегая гнева Елены (правившей царством малолетнего Иоанна), скрылся в Новгород с молодою женою, которая через несколько лет, произведя на свет дочь, умерла; вскоре печаль по любимой подруге сердца свела во гроб и его. Пред смертью он поручил дочь свою попечениям моего благодетеля, который поклялся над прахом умершего любить Марию, как собственное дитя, и сдержал свое слово; за то и девушка платила ему взаимною горячностью. Равенство лет связало меня и Марию неразрывною дружбою: мы всегда были вместе и кратковременную разлуку считали мучением; с годами привязанность наша увеличивалась. Юность прошла, невинные игры наскучили, души наши жаждали каких-то новых, до сих пор непонятных наслаждений. В семнадцать лет сердце сильнее бьется для любви, нежели для дружбы. Да, Иоанн! Мы любили друг друга, но это чувство лишило нас прежней откровенности, и, когда, оставшись с Мариею наедине, я брал ее руку, хвалил ее каштановые волосы, ее алые щеки, она опускала глаза, краснела, а потом начала убегать меня. Наконец я открыл все

⁷ Напиток, бывший в то время в большом употреблении.

благодетелю моему; это нимало его не раздражило, и мы скоро надеялись соединиться неразрывными узами, не замечая тучи, которая собиралась над головами нашими...

Глава V

Падение Новгорода. – Мщение царя Иоанна Грозного. – История атамана Грозы. – Прощение. – Условный знак.

«Уже давно царь Московский, негодуя на Великий Новгород, искал случая излить на него гнев свой; нашлись клеветники, которые очернили в глазах Иоанна всех жителей новгородских и даже Святителя Пимена; сказали, что они хотят сдать город королю Польскому Сигизмунду; представили должные доказательства. Иоанн только и ждал этого. Настала година испытания: многочисленные дружины государевы вступили в Новгород, окружили его со всех сторон крепкими заставами, взыскивали с каждого пеню, а кто не мог заплатить, того ставили на правеж⁸, всенародно били, секли от утра до ночи, не щадили ни сана, ни возраста, ни пола. Новгородцы все это видели, терпели, плакали и молчали; никто не знал ни вины, ни причины опалы⁹. В это время благодетель мой лишился всего своего имущества – все было расхищено: богоотступники сняли даже богатые украшения со святых икон. На третий день Богоявления государь с войском вступил в город, где на Великом мосту встретил его архиепископ Пимен с чудотворными иконами; но гнев Иоанна был непреклонен; он не принял даже святительского благословения и упрекал архиепископа и всех новгородцев в намерении будто бы предаться Польскому королю Сигизмунду Августу¹⁰. Вскоре открылся суд на городище. Воины московские неистовствовали, и множество новгородцев ежедневно погибало от руки их – быстрый Волхов был общею могилою.

В одно утро благодетель мой оплакивал гибель Новгорода; я и Мария утешали его надеждою на Бога и Святую Софию, вдруг дверь с треском разлетелась и толпа опричников¹¹ с яростью вбежала в светлицу. В одно мгновение рассыпались они по всем углам, ища сокровищ, но уже все было похищено заранее. Ожесточенные, они требовали добычи и, не получив ее, схватили воспитателя моего и безжалостно повлекли его из дому; я бросился на помощь, но что мог сделать один против десяти злодеев, которые, без всякого уважения к летам и сединам почтенного старца, тащили его к Волхову по тысячам трупов.

Я бежал за ними, просил их, умолял, плакал, но все было тщетно – они ничего не хотели слушать. Вот они взошли уже на мост, уже подняли несчастного на руки... еще мгновение – волны реки всплеснули, расступились, и он не существовал. Сердце у меня замерло, я вскрикнул и лишился чувств; пришедши в себя, я увидел при свете месяца Марию, которая в слезах стояла надо мною; она следовала также за благодетелем моим; она видела его смерть, но в то же время страшилась за жизнь мою и целый день не отходила от меня, пока я не очувствовался; Богу угодно было сохранить ее от рук злодеев. Грустные, со слезами, мы возвращались в опустевшее жилище.

Около шести недель продолжалось неисповедимое колебание, падение и разрушение Новгорода; наконец, в понедельник второй недели Великого поста, государь удалился, поставивши правителем Новгорода боярина и воеводу своего, князя Петра Даниловича Пронского.

⁸ Ставить на правеж значило: привязавши на площади к позорному столбу, сечь, бить до тех пор, пока виновный не вносил условленной платы или недоимки.

⁹ Опала – лишение имущества, всего достояния, сопряженное почти всегда со ссылкой.

¹⁰ См. Ист. Госуд. Росс. Н. М. Карамзина, царствование Иоанна Грозного.

¹¹ Опричники – дружина государева, учрежденная Иоанном Грозным и им же потом уничтоженная. Опричники были почетная и любимая стража Иоанна, пользовались большим уважением и доверенностью. Жители их боялись. Они носили особую одежду и, разъезжая по городу, имели при седле своем метлу, как говорят, в доказательство того, что они очищают все вредное особе государя. Мы, кажется, не ошибемся, если заметим, что они много походили на турецких янычаров, уничтоженных покойным султаном Махмутом.

Некому было жалеть о похищенном богатстве; кто остался жив, благодарил Бога или оплакивал свое одиночество; в числе последних были я и Мария. Прошел месяц после несчастных происшествий; но тяжкие воспоминания еще не изгладились из нашей памяти; грустен стал Новгород, стихли обширные стенания его, некогда столь шумные, опустели терема и, покрытые снегом, безмолвно стояли, подобно мертвецам, одетым в погребальные саваны, один сердитый Волхов бушевал по-прежнему и как будто гордился тем, что стал могилой невинных граждан; среди шума и всплеска кровавых волн его еще как будто раздавались стоны умирающих. Каждый день перед закатом солнца мы ходили с Марией на берег реки – молиться и плакать о несчастном воспитателе нашем. Но жестокий рок еще не насытил месть свою – он собирал над головой моей новые тучи: мне должно было потерять и последнюю подругу моей одинокой жизни. Однажды, возвращаясь домой после обыкновенной молитвы (Марии тогда со мной не было; она чувствовала себя нездоровой и потому осталась дома), в печальных размышлениях я тихо подходил к моему скучному жилищу – как пронзительный крик раздался в воздухе... голос Марии, он просил помощи. Я был вооружен, торопливо выхватывая саблю, вбегаю в светлицу, и что же представилось глазам моим: четыре ратника тащили несчастную девушку, невзирая ни на просьбы ее, ни на слезы; молодой человек, богатая одежда которого показывала, что он знатного происхождения, повелевал ими. Изумленные моим появлением, они отступили от Марии, и она без чувств упала в мои объятия.

– Какое право имеешь ты нарушать спокойствие мирных жителей? – спросил я молодого человека в богатой одежде.

Мой вопрос остался без внимания; он подал знак, чтоб нас разлучили, но едва успел это сделать, как клинок засвистал и он упал, обливаясь кровью. Марию вырвали из рук моих... Потеря возлюбленной, кровавое убийство, которое невольно совершил, наказание, ожидающее преступника, ужасными красками запечатлелись мгновенно в моем воображении, и первая мысль, которая блеснула в голове моей, – это было спастись. Пользуясь тем временем, пока оставшиеся воины заботились около убитого, я, никем не примеченный, скрылся; но мне нельзя было более оставаться в Новгороде; на другой день всюду искали убийцу. Таким образом я бежал и нигде не находил спокойствия; уже мысль о самоубийстве начинала зарождаться, как я встретился в этом лесу с шайкою разбойников и решился – не укоряя меня, Иоанн, мне ничего не оставалось делать, – я решился быть их атаманом! Видит Бог, что не страсть к золоту, не алчность к богатству заставили меня носить постыдное имя разбойника; нет, я хотел буйными радостями, кровавыми делами заглушить тяжкие воспоминания – к несчастию, и тут обманулся; вместо спокойствия я еще более породнился с мучениями совести, к одному совершенному уже преступлению прибавил еще ужаснейшие, и меч правосудия висит над головою атамана Грозы – так все называют меня. Впоследствии я узнал, что убитый мною боярин был дальний родственник новгородского воеводы князя Пронского; видя несколько раз Марию на берегу Волхова, он влюбился в нее и, надеясь на защиту воеводы, решился похитить ее силою, чтобы принести в жертву своего сладострастия. Все поиски мои, чтобы узнать об участи несчастной девушки, остались тщетны; может быть, ее давно уже нет на свете. О! Зачем я не умер невинным! Ты никогда, Иоанн, не был преступником, и потому не знаешь, как тягостно умирать с душою, обремененною злодеяниями; одно только привязывает к жизни – это надежда, что я увижу еще Марию. Во время моей отлучки в Новгород для поисков, с тобою случилось несчастье; возвратившись, я увидел тебя лежащим без чувств на этом самом месте; молодцы мои вытащили тебя из рва и вместе с золотом нашли грамоту, писанную к твоему дяде рукою же твоего отца, а моего благодетеля; прочитавши ее, я тотчас узнал тебя и употребил все средства, чтобы привести тебя в чувство. Наконец желание мое исполнилось, ты не отвергнул разбойника, и я опять обнимаю друга моего детства. Вот грамота, Иоанн, вот и золото твое, оно цело – возьми, а приятелям, которые тебе наделали столько вреда, порядком досталось; завтра, когда ты подкрепишь свои силы, я выпровожу тебя из лесу, и ты отправишься в Новгород. Не

стану удерживать тебя: я сам любил и знаю, с каким нетерпением ты желаешь увидеть свою Наталью Степановну. Теперь тебе надобно подкрепить себя пищею и успокоиться». – Атаман свистнул; явилось несколько человек, и, по приказанию его, в одну минуту готов был ужин; чрез час Иоанн дремал на охоте подле потухающего огня. Когда он проснулся, оседланные лошади были готовы и Владимир ожидал его пробуждения. Вскоре они отправились и, около часу ехавши лесом по извилистой тропинке, наконец выбрались на берег Волхова.

– Теперь прости, Иоанн! – сказал Владимир, обнимая юношу. – Прости! Надеюсь скоро увидеться с тобою в Новгороде; вот условленный знак: если кто подойдет к тебе и помянет имя Атамана Грозы, тому ты можешь смело верить, как своему другу. Поезжай с Богом, будь счастлив, прощай! – Еще раз обнялись они. Владимир смотрел вслед удаляющемуся Иоанну, который пустился по знакомой ему дороге и при благовесте к вечерней молитве въехал в Новгород.

Глава VI

Вечерний звон. – Новгород. – Опять юродивый и его предсказания. – Шах и мат. – Рассказ москвича. – Политика царя Иоанна. – Тайна разгадана. – Люблю за обычай.

Томный звон колоколов, при звуке которого Иоанн въехал в Новгород, наполнял душу его каким-то тайным предчувствием; в погребальных отголосках его, как в голосе судьбы, он читал пророчество будущей своей жизни, и в голове его одна горестная мысль сменяла другую, как во время бури черная туча, гонимая ветром, уступает место другой, еще ужаснейшей. Поворотивши на знакомую ему улицу, которая вела к дому тысяцкого, Иоанн пустил шагом лошадь; нужно ли говорить читателю, что одна Наталья была предметом его заветных мыслей и мечтаний.

– Здорово, Ваня! – раздался вдруг позади его голос.

Иоанн обернулся: пред ним стоял юродивый.

– Ну, что ты, на праздник приехал в Новгород? – продолжал он.

– На какой праздник, Яша? – спросил его Иоанн.

– Большой, большой будет праздник на всей Руси, а после будут похороны. То-то мы с тобою куты-то наедемся и поплачем вместе!.. Прости, Ваня, молись Богу, а мне пора... – И он побежал вдоль улицы.

– Куда же ты, Яша? – спросил его Иоанн.

– Пора, пора, Ваня! На колокольню, увидимся на похоронах. Прости, молись Богу! И юродивый скрылся.

Несколько времени Иоанн смотрел ему вслед, долго слова юродивого занимали все его мысли; но он подъехал уже к дому тысяцкого...

– Шах и мат! – раздался в светлице голос, когда Иоанн вошел в нее. – Ба, ба, ба, племянник! Ты ли это? – повторил опять тот же голос, и человек пожилых лет, плотный, краснощекий, с черною окладистою бородою, встал из-за стола и бросился обнимать Иоанна. – Лишь только я выиграл игру да успел закричать шах и мат, а ты и в двери: две радости в одно время – люблю за обычай! Ну, здоров ли отец твой? – так говорил тысяцкий, удушая племянника в своих полновесных объятиях. Иоанн только тут заметил высокого сухощавого старика, в синем суконном кафтане особенного покроя, который играл с тысяцким в шахматы – это был Замятня, богатый гость московский; старик ему поклонился; Иоанн отвечал тем же.

– Неужели это, государь ты мой милостивый, – сказал Замятня, расставляя шашки и обращаясь к тысяцкому, – неужели это твой племянник, которого я на руках нашивал?

– Да, это он, – отвечал дядя Иоанна с самодовольною улыбкою, – что, каков молодец? кровь с молоком – люблю за обычай.

– ЧтО и говорить, государь ты мой милостивый, старый старается, а молодой растет! – Они снова принялись за игру... несколько времени продолжалось молчание, прерываемое только стуком шашек.

– Что же, господин Замятня, продолжай свой рассказ! – начал наконец тысяцкий. – Не бойся, здесь лишних нет никого, сору из светлицы вынести некому. Ох вы, москвичи, москвичи! Даром слова не пророните – люблю за обычай.

– Государь ты мой милостивый! – отвечал старик с лукавою улыбкою. – Лишняя осторожность не вредит, а долгий язык – до добра не доводит.

– Ну да ведь племянник-то не пойдет на тебя в донос; эх заломался! Да постой, я знаю, чем развязать тебе язык! – Тысяцкий, подошедши к поставцу, вынул оттуда флягу с романею и, наливши напитка в серебряную чарку, подал ее старику, который, выпивши, в самом деле стал разговорчивее. Так часто и предки наши, при всей своей патриархальной важности, были болтливы после беседы с чаркою.

– Ну вот видишь ли, государь ты мой милостивый, – начал Замятня, утирая красным платком седые усы, на которых повисли капли фиолетовой влаги: у меня в Москве есть кое-кто из бояр, большие благодетели, не гнушаются моим хлебом-солью, и они-то мне, за доброю чаркой *мальвазии*¹², высказали кое-что. – Замятня боязливо оглянулся, как бы боясь, что его подслушивают стены, и потом продолжал вполголоса. – Ты, я думаю, помнишь, государь ты мой милостивый, что весною в прошлом году литовские послы были присланы от Сигизмунда в нашу матушку белокаменную для заключения мира?

– Ну как не знать, знаю! – проговорил с гордостью тысяцкий.

– Так, государь ты мой милостивый, да уж верно не знаешь, что тут была еще другая причина?

– Как так? – спросил тысяцкий с удивлением.

– А вот как, государь ты мой милостивый! В тайной беседе послы сказали государю Ивану Васильевичу, что король Сигизмунд дряхл, чуть ли скоро не отправится на тот свет; что-де, государь ты мой милостивый, после его не останется наследников и вельможи хотят предложить венец королевский ему, как государю славянского племени, христианину и владыке сильному!

– Ну, что же государь?

– Царь-батюшка несколько не обрадовался и отвечал: милосердием Божиим и молитвами прародителей, Россия велика. На что мне Литва и Польша? Когда же вы имеете сию мысль, то вам не должно раздражать нас затруднениями в святом деле покоя христианского¹³.

– Вот ответ, достойный царя московского, – люблю за обычай! Чем же кончилось?

– Это мне неизвестно, государь ты мой милостивый, а кажется, переговоры не имели успеха и вместо мира заключили перемирие на два года. Так вот какие дела-то!

– Ох уж эти мне ляхи проклятые! На языке у них мед, а под языком лед. Еще добр государь наш Иван Васильевич, а то бы взял королевский-то венец хоть ненадолго да переучил бы их по-русски, так и забыли бы поднимать нос; а то вишь какие гордые – кошка на грудь не вскочит: мы-де папы! Мужик пашет землю, а называет себя шляхтичем¹⁴... Слыхал ли ты, как соберутся они на свой сейм – лучше беги оттуда: король скажет что-нибудь, а они закричат – не позволяем! Да и сабли вон! Ну где это видано? Да что и говорить – нет лучше матушки святой Руси: кто повинуется беспрекословно воле государя? Русский! Кто любит родину более самого себя? Русский! Кто готов пожертвовать своею жизнью, женою, детьми для спасения отечества?

¹² *Мальвазия* – также напиток наших предков, любимый, но более дорогой, нежели романья, и употребляемый в случаях более торжественных.

¹³ См. Ист. Госуд. Росс. Н. М. Карамзина, царств. Иоанна Грозного.

¹⁴ *Шляхтич* – звание, почти равное нашему *однодворцу*.

Все русский! Люблю за обычай! А эти папы, эти шляхтичи?... Э! Да им далеко до русских – как кулику до Петрова дня! Небось еще говорили нашему православному государю, чтобы он принял латинскую веру, если хочет быть королем их?

– Нет, государь ты мой милостивый, об этом слова не было, а все мне думается, что папа не захочет иметь государя греческой веры на престоле литовском: ведь поляки-то боятся своего папы – разом, государь ты мой милостивый, предаст проклятию!

– Спасибо за повесть! – прервал тысяцкий. – Теперь пойдем поужинаем, да за столом еще поговорим. Пойдем, племянник!..

Они пошли. Иоанн следовал за ними, горя нетерпением скорее объяснить причину своего приезда, и наконец случай открылся. Тысяцкий и Замятня, толкуя о политике, не забывали чарки, и к концу ужина лица их разгорелись, не знаю – от жаркого ли разговора или от горячего напитка: предание об этом молчит. Когда ужин закончился, Замятня простился с хозяином и, повторивши несколько раз «государь ты мой милостивый!», пошатываясь, ушел. Эту минуту Иоанн почел лучше, чтобы требовать пособия дяди: тысяцкий был в веселом расположении духа.

– Что скажешь, племянник? – вскричал он, садясь на скамью. Иоанн вместо ответа подал сверток бумаги с восковой печатью. – Что это, от отца? – Иоанн отвечал наклоном головы. Тысяцкий развернул письмо и начал читать; по временам останавливался, пристально глядел на юношу или значительно усмехался. – Так вот что! – вскричал он, кончивши чтение: ай да племянник, люблю за обычай! А все стыдно было не сказать мне, ведь я тебе, кажется, прихожусь с родни; да Бог тебя простит, а я не сердит – люблю за обычай. Завтра же иду к Собакину и переговорю с ним: авось сладим дело. Теперь пора спать, прощай! Утро вечера мудренее – люблю за обычай!..

Глава VII

Тревожный сон. – Успех сватовства. – Сборы. – Горесть невесты. – Жених.

На другой день, едва солнце показалось на безоблачном горизонте и пернатые жители лесов, просыпаясь, начали отряхивать свои крылышки, Иоанн сидел уже у окна и любовался золотыми крестами Софийской церкви. В сладких мечтаниях перед ним раскрылась необозримую перспективу картина его будущей жизни, а ландшафты, рисуемые воображением, были однообразны – везде являлась Наталья, он видел ее, он сжимал ее в своих пламенных объятиях, он слышал из уст своей возлюбленной: «люблю тебя!» – и был счастлив, очень счастлив, как вдруг невидимая рука разрушила очарование – Наталья, окруженная незнакомыми людьми, предстала его взорам. «Безумец! – думал он. – Где твои надежды, где любовь твоя? Все, все исчезло!» Грусть стеснила его сердце, он задышался под бременем гнетущей его печали и проснулся... Так! Сон принял его в свои объятия в то время, как сладкие мечты носились над головой его. Солнце совершило половину пути своего, и лучи его, преломляясь на разноцветных стеклах окна, радужными огнями отражались на стенах светлицы, когда Иоанн вырвался из объятий мрачного, беспокойного сна; он не успел еще прийти в себя, как дверь открылась и вошел тысяцкий. Сердце юноши замерло: как приговоренный к смерти, он ожидал своей участи и не смел спросить дядю об успехе предприятия. Тысяцкий в свою очередь также не мог надивиться поведению племянника. «Что значит эта задумчивость?» – думал он, и брови его нахмурились. Севши на скамью, он отер платком пот, который градом катился по лицу его, и дожидаясь, пока Иоанн начнет разговор; но молчание не прерывалось, и тысяцкий вышел из терпения.

– Что же ты молчишь, племянник? – сказал он сурово. – Разве не хочешь знать, чем кончилось сватовство мое?

Стон вырвался из груди юноши, который робко взглянул на своего дядю, как бы опасаясь встретить в лице его свой приговор.

– Ну что заохал прежде времени? Эх, брат, ты настоящая баба! Полно смотреть исподлобья-то, лучше обними меня да поздравь с доброй вестью!

– Как, ты видел Наталью! – вскричал Иоанн, подбежавши к дяде и схвативши его руку. – Ты видел ее! Скажи, все ли также она прелестна, по-прежнему ли меня любит или уже забыла? Скажи скорее, не мучь меня!

– Племянник! – отвечал, усмехаясь, тысяцкий. – Ты, ей-ей, рехнулся! Засыпал меня кучею вопросов: верно тебе суженая-то не на шутку вскружила голову – люблю за обычай! Я не видал твоей Натальи, а с отцом ее почти сладили: я не люблю околичностей – сказал Собакину прямо, что племянник мой видел воспитанницу его в церкви, сошел с ума и влюбился в нее по уши!

– Что же он отвечал тебе?

– Что же тут отвечать? Разумеется, ему это пришлось по сердцу; положим, что Собакин богат, крестница его невеста завидная, да ведь и мы не из простых, род наш древнее и славнее заслугами, а такого жениха, как ты, со свечкой поискать – люблю за обычай! Будь же готов, мы послезавтра едем к Собакину.

– Перестань же горевать, Наталья Степановна! Ну как ты покажешься с заплаканными глазами жениху своему? Сегодня, ты знаешь, он будет смотреть тебя; того и гляди, что въедет во двор! – говорила Пахомовна плачущей Наталье, которая была одета по-праздничному: сарафан голубого цвета, шитый жемчугом и серебром, рисовал стройный стан ее, который поспорил бы с поддельными талиями многих барышень нынешнего света; хотя в то время и не знали шнуровок, зато едва ли можно превзойти природу в красотах, которыми она захочет наделить свою любимицу, и поддельная прелесть никогда не будет совершенством, никогда не будет подходить к изящному, а всегда останется холодным искусством! Извините, хорошенькие мои читательницы, я зафилософствовался и, может быть, очень невольно, но, ей-богу, я сказал правду; теперь, приступая к дальнейшему описанию наряда Натальи, прошу не критиковать его – героиня моя жила в XVI веке, а тогда Кузнецкий мост еще не существовал: белая, осыпанная дорогими камнями повязка покрывала ее голову; темно-каштановые ее волосы были заплетены в косу широкою алою лентою; бриллиантовая застежка играла на величественной груди ее, которая роскошно воздымалась под легким покрывалом; но черты лица Натальи выражали ужасное состояние души, пораженной горестью; на бледных щеках, подобно дорогим перлам, сверкали слезы, и ни увещания старухи, ни советы девушек не могли развеселить ее.

– Э, эх, мать моя! – продолжала Пахомовна плачевным голосом. – Тебе бы теперь надо радоваться – скоро ты будешь сама боярыня, станешь ходить в золоте, разъезжать в колымагах раззолоченных.

– Ах, мамушка! – сказала Наталья. – Я не могу быть счастлива, я умру от горести!

– Да забудь ты, моя ласточка, его, окаянного, меня и теперь еще дрожь берет, как я об нем вспомню; не говорила ли я тебе, что это был либо – с нами крестная сила! – сам нечистый, либо какой-нибудь богоотступник, злодей, разбойник, кромешник! Ну сделает ли это добрый человек? Свел с ума девушку и после позабыл ее: чтобы ему провалиться, окаянному! Чтобы его лихоманка трясла как осенний лист!..

– Приехал, приехал!.. – раздался вдруг голоса за дверью, и две девушки вбежали в светлицу.

Наталья вздрогнула, слезы замерли на ее ресницах; она уже не плакала более, но в каком-то оцепенении осталась неподвижно.

– Все кончено, – сказала она, – я не увижу его более, я никогда не буду принадлежать ему. Боже! Ты видишь мое сердце, Ты видишь, что я не изменила своим клятвам, люблю его еще

и теперь, когда он забыл меня; умру в разлуке с ним, но повиновение воле моего воспитателя для меня всего дороже! И так, да будет Твоя святая воля! – Она замолчала и без внимания начала смотреть в окно; Пахомовна суежилась, бегала из угла в угол, беспрестанно повторяя: «Охти, мои батюшки!», примеривала праздничный кокошник; сенные девушки, собравшись в кружок, расспрашивали прибежавших о женихе: «Что, ты его видела?» – говорила одна. «Каков же? Молод, хорош?» – спрашивала другая. «О! Да какой еще молодец-то!» – отвечала третья. – Пригож, словно девушка! Уж подлинно боярышня счастлива, дал ей, сиротинке, Бог женишка...»

Глава VIII

Смотр. – Жалкий всадник. – Несчастье. – Невеста. – Заздравный кубок. – По усам текло, а в рот не попало. – Гусяр. – Его песня и таинственность. – Атаман Гроза.

Настал день, которого ожидал Иоанн нетерпеливо и который бедной Наталье принес столько горестей. Тысяцкий держался правила не отлагать до завтра дела, которое можно кончить сегодня. Он вошел в светлицу Иоанна и невольно остановился, любясь красотой своего племянника: белый атласный кафтан, шитый золотом кушак и щеголевато накинутый охабень украшали юношу.

– Едем же, молодец! – сказал наконец тысяцкий, и они вышли на крыльцо, к которому подвели двух верховых лошадей.

Иоанн быстро подбежал к коню своему, ловко вскочил на седло и, выехавши из ворот, пустился вдоль улицы, не внимая крикам дяди, который по толщине своей не мог скоро взобраться на лошадь. Тысяцкий кричал, бесился, но это послужило еще ко вреду его: испуганный конь с оплошным седоком бросился в противоположную сторону так неожиданно, что никто не успел подать помощи и уже издали слышны были проклятия тысяцкого, который, схватившись за гриву и поставивши одну ногу в стремя, висел с ежеминутною опасностью быть убитым; к счастью, Иоанн услышал крик, обернулся, и взорам его представилось плачевное состояние дяди. В одно мгновение он повернул коня своего и как стрела пустился за ним, из улицы в улицу, часто терял его из виду, но не переставал преследовать; вдруг разъяренный конь поворотил по дороге к Волхову, крутые берега коего были ужасны; сердце юноши замерло; увидев неминуемую смерть своего дяди, он с самоотвержением пустился еще скорее и в то мгновение, как лошадь, подбежав к крутизне, остановилась по инстинкту на секунду, чтобы после ринуться вниз, машинально схватил седока за повиснувший охабень и сильно рванул его на землю, конь прыгнул и стремглав полетел в пучину. Впрочем, падение тысяцкого не имело дурных последствий: удар был не силен, и он тотчас поднялся на ноги...

– Люблю за обычай, племянник, спасибо, одолжил! – сказал он, сделавши гримасу более от досады, нежели от ушиба. – Вот ездят с такими сорванцами, как раз сломят тебе шею. Правда, ты показал и свое удалство, люблю за обычай, ну да вперед показывай его над кем-нибудь другим, а не надо мною. Бедный Ворон, – прибавил он, подойдя к берегу и взглянув на мертвую лошадь, – ты умер, люблю за обычай!

Другой, будучи на месте тысяцкого, почел бы случившееся худым предзнаменованием, но он был несуетлив и притом, имея настойчивый характер, не хотел отказаться от своего намерения; в сопровождении слуг тысяцкий и Иоанн опять отправились к Собакину, который ожидал их с нетерпением и уже начинал беспокоиться, как вдруг послышался конский топот и процессия въехала на двор. Хозяин, встретив гостей своих на крыльце, ввел их в светлицу, где уже собралось много гостей. Старики, чинно сидя на скамьях, толковали важно о делах давно минувших дней, о своем молодечестве, а по временам не забывали и чарок, которые придавали разговорам их более занимательности. Тысяцкий не утерпел, чтобы не рассказать случившегося с ними происшествия, выходил из себя, выхваляя храбрость племянника, и таким образом

завязавшийся разговор мало-помалу обратился к политике; старики, занявшись им, по-видимому, позабыли причину их свидания, но не то занимало Иоанна: он с нетерпением поглядывал на толпу девушек, которые, собравшись в дверях, с любопытством смотрели на приехавшего жениха и значительно перешептывались; но между ними Натальи не было, и он, вздыхая, опускал глаза. Наконец настала давно ожидаемая минута: толпа раздвинулась, и красавица в сопровождении Пахомовны робко вошла в светлицу с серебряным подносом, на котором стоял золотой кубок с медом. Иоанн забыл все его окружающее и вскочил с места, сделал движение, чтобы подойти к Наталье, которая вмещала для него в эту минуту весь мир; тут девушка подняла глаза, голова ее закружилась, поднос выпал из рук...

– Это он! – сказала она слабым голосом и без чувств упала в объятия мамы. Все бросились помогать; один только тысяцкий не потерял прежнего хладнокровия.

– Это ничего, так, пройдет!» – сказал он. – Мед-то пролился, как только невеста хотела поднести кубок жениху, и я знаю по опыту, что все это к лучшему; что брат, племянник, – продолжал он, обращаясь к хлопотавшему около Натальи Иоанну, – что, выпил медку? Это верно не верхом скакать сломя голову, протянул было руку, ан и вышло: по усу текло, да в рот не попало!

Редко найдете мужчину, которого бы могла тронуть радость или печаль так сильно, чтобы он лишился чувств. Способность сия издревле принадлежит прекрасному полу; только в этом отношении есть разница между женщинами XIX столетия и времен прошедших: прародительницы наши падали в обморок редко, зато причиною бывали или чрезмерная радость, или ужасная горесть; не то мы видим в наших дамах: отказ мужа, который не хочет ей купить модную шаль и сделать вывод из последнего бала о невежливости кавалера, который на польку выбрал другую, а не ее, вот поводы к обморокам! Но это еще не все; посмотрим на пожилых девиц наших. О! Тут мы увидим еще не такие претензии, смерть мухи, толчок кареты заставляет их плакать, и вот до какой степени утончена в наше время чувствительность! Г. Сочинитель! Вы, кажется, беретесь не за свое дело, заметят, может быть, мне хорошенькие читательницы мои. Что делать, сударыни! Слабость моя отпустит при случае красное словцо, притом же я говорю по собственному опыту; но довольно, довольно об этом. Я продолжаю мой рассказ и наперед даю слово более не философствовать! Итак неудивительно, что после чрезмерной горести такое неожиданное свидание с любимым предметом повергло Наталью в бесчувственность; к счастью, одна только Пахомовна слышала роковое восклицание и уже боязливо поглядывала на Иоанна; но красавица вскоре, без всякого пособия, для которого только наши дамы и падают в обморок (*pardon*, опять проговорился), пришла в себя. Почитая случившееся сновидением, она мутными взорами искала Иоанна и, увидевши его, не могла разгадать, каким образом он очутился женихом ее; сам Иоанн находился не в лучшем состоянии; положение любовников было самое критическое и имело бы, может быть, худые последствия, если бы старики не приняли в них участие. Собакин подошел к Наталье и взял ее руку.

– До сих пор я воспитывал тебя как дочь свою, моя ненаглядная! – сказал он. – Тяжело мне расстаться с тобою; но делать нечего! Не век тебе жить круглою сиротинкою, не век порхать на свободе, как пестрокрылой бабочке; вот твой суженый! – Здесь он показал на Иоанна. – Если он тебе по сердцу, то люби его и расстанься со мною без сожаления!..

– Батюшка, батюшка! – вскричала Наталья, рыдая, и упала в объятия старика.

– Василий Степанович! – сказала сенная девушка, вошедши в светлицу и низко поклонившись Собакину. – Какой-то гусяр просит у твоей милости позволения войти и позабавить честное собрание своими песнями и сказками!

– Ну что же, давай его сюда! – вскричал развеселившийся тысяцкий. – Мы рады таким гостям!

– Ох, батюшка, уж полно звать ли его? – начала Пахомовна.

– Бог весть, кто он такой и откуда пришел: эти гусяры, не при вас будь сказано, такие чародеи, что спаси Господи и помилуй! Вот мне, – опомнясь, сказывала кума моя Кузминишна.

– Перестань болтать, где тебя не спрашивают! – возразил сердито Собакин. – Ввести его!

Девушка удалилась, и чрез несколько времени гусяр вошел в светлицу: это был человек высокого роста, плотный; длинные седые волосы почти скрывали лицо его; пронизательные глаза сверкали из-под нависших бровей; на нем был надет черный смурый армяк, подпоясанный красным кушаком; за плечами на ремне висели гусли. Остановившись у дверей, он быстрым взглядом окинул все собрание, и значительный взор его остановился на Иоанне; но это было делом одного мгновения: старик тотчас принял смиренный вид и, поклонившись, сказал:

– Мир владыке дома, согласие и любовь жениху с невестой, а мне милость боярскую да добрую чару зелена вина!

– Спасибо, добрый человек, – отвечал Собакин. – Откуда ты идешь, куда путь держишь?

– Много, боярин, постранствовал на белом свете, много натерпелся горя и несчастья, теперь увеселяю честных господ своими песнями и сказками, тем и кормлюсь, иду из Москвы, куда – и сам не знаю!

– Где же твоя родина, старинушка? – спросил его один из гостей.

– Родина моя там, где есть добрые люди да кусок хлеба...

– Как же ты узнал, что мы затеваем пир? – спросил Собакин гусяра.

– И, боярин, боярин! – отвечал тот, несколько смутившись. – Слухом земля полнится!

– Ну чем же ты повеселишь нас? – закричал тысяцкий. – Песенку споешь или скажешь сказку?..

– Что позволит твоя милость, боярин, за нами дело не станет: и сказочку скажем, и песенку споем!

– Ну, так начинай же с песни!..

Старик перевернул гусли, ударил по струнам и мужественным голосом запел:

Не кукушечка во сыром бору кукует,
Не соловьюшко в зеленом саду свищет,
Добрый молодец, сидя в тереме, плачет,
Плачет горько, света Божьего не видит;
Как задумал добрый молодец жениться,
Полюбилась добру молодцу девица;
Но отец у красной девицы богатый,
А у молодца нет ни серебра, ни злата,
Нет ни соболей, ни камней самоцветных...
Нет друзей и нет родни богатой!..
У него один товарищ меч булатный...

– Ну уж песня! – прервала с досадою Пахомовна, которой очень не нравилось присутствие гусяра. – Не мог найти повеселее, а еще скоморохом называешься; то ли дело, как я была молода, то-то певала!

– Что было, то сплыло, бабушка, а теперь и спела бы, да небожно запоется, как во рту половины зубов не досчитается; почему же нам знать искусство твоей милости, может, ты певала и хуже нас, грешных...

Пахомовна задрожала от злости, гром брани ее готов был разразиться над головой бедного гусяра, но тысяцкий предупредил ее.

– Этакой разбойник и впрямь поставил ни во что старуху! – сказал он, хохоча от души. – Да молчи, Пахомовна, мы ему сейчас отплатим. Эй вы, подайте-ко певцу хорошую чарку меда!..

– Благодарю на милости, но я хотел бы выпить из рук жениха и пожелать ему и невесте счастья! – сказал гусяр, поклонившись.

– И то дело, ну-ка, племянник, угости его, – возразил тысяцкий, обращаясь к Иоанну. Сей последний налил кубок и, подавая старику, ласково сказал:

– Кушай на здоровье!..

Гусляр поднял кубок над головою и важно проговорил:

– Сколько капель в этом кубке, столько лет жить жениху и невесте, не зная ни горя, ни печали, радоваться и веселиться да не забывать и нас, стариков!.. А более всего, – произнес он вполголоса так, что одному Иоанну слышны были слова его, а более всего помнить атамана Грозу.

Иоанн вздрогнул, начал вглядываться в черты таинственного старика и с удивлением узнал в нем Владимира...

Глава IX

Кладбище. – Тень. – Опять атаман Гроза. – Совещание. – Ужасная весть. – Намерения Иоанна Грозного. – Вера в Провидение.

Полночь. Черные тучи облегли небосклон, сильные раскаты грома, как звук призывной трубы, потрясали землю; фиолетовые молнии бороздили облака; шум дождя, свист ветра и завывание бури, мешаясь вместе, производили страшную дисгармонию. Каждый проблеск молнии освещал кресты кладбища, неподалеку виднелась ветхая деревянная церковь, которой поросшая мхом кровля придавала особенную мрачность. Сердитый Волхов бушевал в берегах своих и кипел бесчисленным множеством синих волн, которые, воздымаясь, подобно исполинам, на поверхности влажной стихии, лопались и дробились от сильных порывов ветра. На берегу реки под тремя дубами, вершины которых, нагнувшись, тонули в кипящих водах, стоял неподвижно человек, закутанный в охабень, и ужасная игра природы нимало его не трогала; запоздалый путник почел бы его за привидение, которое, будучи связано на земле каким-нибудь обетом или обремененное проклятием, встает из могилы и бродит в полночный час, ища спасителя, который примирит его с небом и землею. Между тем буря мало-помалу утихла; повеял благотворный ветер юга, облака начали расходиться, удары грома стали отдаленнее, проблески молнии реже и дождь перестал; вскоре луна с мириадами своих спутников явилась на лазурном своде; прохладный ветер играл ожемчуженными листочками деревьев, и величавый Волхов разостлался скатертью. Незнакомец с беспокойством смотрел во все стороны, как будто кого поджидая, и изредка топал ногою от нетерпения. Это был Владимир. Пришедши раньше на условленное место и ожидая долго Иоанна, он уже начинал думать, что юноша не сдержит своего слова, как кто-то показался вдали.

– Слава богу, наконец это он! – сказал с радостью Владимир, и в самом деле юноша показался. – Ну, Иоанн, не торопишься же ты узнать тайну, которую я хочу сообщить тебе.

– Меня задержала буря, но я и сам нетерпеливо хотел с тобою увидеться. Скажи, что ты хочешь открыть мне?

– Иоанн! Тебе угрожает опасность, потерять невесту...

– Что говоришь ты, Владимир?

– Да, мой друг! Усыпленный настоящим счастьем, ты не думаешь о будущем, ты не знаешь, какое горе ждет тебя: царь московский хочет вступить в третий брак, и не далее как завтра послы его приедут в Новгород; все девицы новгородские будут отвезены в Москву, где соберутся тысячи красавиц, и из среды их государь выберет одну, которая более всех ему понравится. Иоанн! Наталья еще только твоя невеста; она также будет отвезена вместе с другими в Москву, и я боюсь за тебя, что, если ее красы пленят сердце царя?

Бедный юноша, как пораженный громом, стоял неподвижно.

– И вот жизнь человеческая! – сказал он. – Едва счастье успеет нам улыбнуться, как тучи собираются уже над головой нашей; все кончено, я погиб! Но, может быть, Василий Степанович поспешит с нашею свадьбою и тогда...

– Не льсти себя, Иоанн, пустою надеждою. Я знаю Собакина – это старик честолюбивый и готов принести в жертву все, чтобы достигнуть знатности: теперь представляется ему самый удобный случай, и ты думаешь, что он им не воспользуется?

– Если не родная, то, может быть, крестная дочь понравится царю. Стало быть, нет никакой надежды?

– Есть, Иоанн, есть одно средство, решишь на то, что я скажу.

– Говори, Владимир, ради бога говори...

– Прежде отвечай мне, уверен ли ты в любви Натальи, уверен ли в том, что она может сделать важное пожертвование, если бы это нужно было для твоего счастья?.. Отвечай мне, уверен ли ты?..

– Как в том, что солнце светит днем, а месяц ночью!.. Но к чему ведут эти вопросы и какое средство выдумал ты, чтобы спасти меня?..

– Ты должен уговорить Наталью, увезти ее и тайно обвенчаться: я дам тебе приют, Собакин, разумеется, рассердится, но со временем простит и ты будешь счастлив.

– Какой дух злобы внушил тебе эти мысли? Мне увезти Наталью, мне подвергнуть ее позору, оскорбить ее воспитателя, убить своего почтенного родителя? О! Владимир, ты заставляешь меня проклинать минуту, в которую я встретился с тобою. Губя меня, ты говоришь о спасении!..

– Иоанн! Напрасно обременяешь меня незаслуженными упреками, я говорю это для собственного твоего счастья – других средств не остается.

– Я буду просить Собакина, буду плакать, может быть, слезы тронут его.

– А если это не подействует?

– Тогда я покорюсь судьбе, буду оплакивать свою потерю и искать смерти.

– Но, Иоанн?..

– Не говори более, Владимир – слова твои напрасны, я никогда не захочу доставить себе счастья ценою бесчестия Натальи... Я люблю, Владимир, свою родину, люблю Иоанна, как повелителя Руси, как моего государя, точно так же буду любить Наталью, как супругу царя московского, и если не могу быть ее мужем, то буду верным слугою, рабом; эта грудь, которая пылает теперь любовью к ней, загорится местью против врагов царицы русской; эта рука, которою я хотел вести ее к алтарю, возьмется за бранный меч, жизнь, которую хотел посвятить ей, отдам за спокойствие отечества... но увезти ее тайно, заставить презреть долг благодарности, подвергнуть ее проклятию благодетеля!.. Отвечай мне, Владимир, на чье сердце тогда падут ее слезы? На мое, и мою преступную главу отягчат всеобщие проклятия. Нет, нет! Клянусь, что никогда мысль об этом не омрачит меня, лучше смерть, чем бесчестие!

– Но от души ли ты говоришь это, Иоанн? Загляни во внутренность своего сердца, так ли оно холодно, как слова твои, не обливается ли оно кровью при одной мысли о разлуке?

– Ты прав, Владимир, мои мучения ужасны, нестерпимы, но я должен так поступить. Но скажи мне, Владимир, справедливо ли это известие?

– За справедливость я ручаюсь: молодцы мои, которых я посылал в Москву, принесли мне эту весть; я поспешил в Новгород, чтобы рассказать все тебе и предложить свои услуги; но ты не хотел следовать моим советам, бог с тобою! Ты знаешь лучше меня, что должен делать, и не мне, – прибавил атаман со вздохом, – не мне давать советы!..

– Я уверен, что ты меня любишь, Владимир, – сказал Иоанн, пожавши с чувством руку атамана, – и поверь, что поступок твой никогда не изгладится из моей памяти: дай бог, чтоб я заплатил тебе тем же.

– Не требую от тебя никакой благодарности, я еще сам не расплатился за благодеяния твоего отца, но, быть может, буду тебе полезен; если бы только я мог умиловить разгневанное небо, если бы отечество опять приняло меня в свои объятия, – вот единственное мое желание, вот мечты мои. О! Иоанн, Иоанн! Если бы они осуществились. Все, все готов принести в жертву, даже самую жизнь, лишь бы имя Владимира не было сопровождаемо проклятиями, лишь бы только смыть пятна с своей совести. Но вот заря зарделась на Востоке и нам время расстаться. Прости! Дай бог, чтобы опасения мои не сбылись... – Владимир, обнявши Иоанна, спустился по крутому берегу к реке, сел на челнок, который был привязан в кустах, и вода закипела под его веслами... Долго юноша с грустью смотрел на удаляющегося атамана и наконец, потерявши его из виду, медленными шагами побрел домой...

Глава X

Приготовления к сговору. – Толки о женихе. – Юродивый. – Послы московские в Новгороде. – Собрание на Ярославовом дворе. – Со святыми упокой!

В доме Собакина готовились к сговору: девушки, сидя в светлице, украшали золотом и жемчугом свадебные наряды для невесты. Это было утром того самого дня, как Иоанн расстался с Владимиром до восхода солнца. Наталья сидела также за пядями подле Марфы Васильевны. Обе девушки вышивали дорогой кушак для подарка первой.

– Ну, не говорила ли я тебе, мама, что Иоанн будет женихом моим? – сказала невеста, обращаясь к Пахомовне. – Вот так и случилось, а ты все то и дело твердила, что оборотень-то он и недобрый человек....

– Грех попутал, мать моя, и не запираюсь, не так-то хорошо о нем думала, оно все бы ничего, да мне не нравилось, что он лазил чрез плетень и разговаривал с тобой; девушке до замужества ни с одним мужчиной говорить не надобно, а что красив он – так подлинно красная девица и такой, мой батюшка, милостивый, всем прислал подарки, не забыл задобрить и меня, старуху, пожаловал мне штофу на сарафан и душегрейку, да еще подарил добрым словом, она-де воспитала мою невесту – так ей и подарок надобно получше... Дай бог ему здоровья, утешил меня, мой кормилец, на старости лет! То-то мы заживем, моя красавица!..

– Но ведь ты будешь жить со мною, мамушка?

– Неужели же я с тобою расстанусь, мое ненаглядное солнышко? Разве сама прогонишь – да нет, Наталья Степановна, не найдешь такой палки, которая бы меня принудила оставить тебя, – умру у ворот твоего терема – а не пойду! – Слезы повисли на глазах доброй старухи.

– Перестань, мама! Ты и меня заставишь плакать своими грустными словами. Я не расстанусь с тобой ни за что на свете, и поверь, Иоанн будет тебя так же любить, как и я...

– Посмотрите, боярышня, – сказала одна из девушек, глядя в окно. – Посмотрите, идет Яша, да какой печальный, чуть не плачет.

– Ах, и в самом деле! – подхватила Пахомовна. – Я никогда его таким не видала! Уж не обидел ли кто беденького?

Между тем юродивый вошел в светлицу; в чертах лица его было видно какое-то уныние; обращенные к небу глаза увлажнены слезами:

– Молитесь, православные, молитесь! – сказал он слабым голосом. – Много будет слез и горя!

– И что ты, Яша, все пугаешь нас своими предсказаниями. Вот опомнясь наговорил невесту что про царский венец, про какой-то цветок и бог тебя знает, да слава богу, ничего не сбылось; а ты лучше поздравь Наташеньку с суженым, так она тебе даст за это серебряную денежку.

– Скоро, скоро свадебные песни заменятся погребальными, на место радости настанет плач; денежку я возьму итак, да поберегу ее, чтобы подать за упокой души.

Наталья побледнела.

– О чьей смерти говоришь ты, Яша? – спросила она юродивого трепещущим голосом.

– И! Что его слушать, боярышня! – сказала Пахомовна. – Ведь ты знаешь, что он с придурыю, иногда занесет такую околесную, что не найдешь ни начала ни конца!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.